

Б. В. Галенко

СУВОРОВ И ГЕНЕРАЛ И. ГЕРМАН:

К вопросу о «недоверии» Павла I к полководцу в 1799 году

В многочисленной биографической и исследовательской литературе о А. В. Суворове постоянно муссируется сюжет о недоверии и да-

Обер-офицер и музыкант
мушкетерского полка, 1797—1801 гг.

же коварстве взбалмошного императора к вызванному из Кончанского полководцу в феврале 1799 г. Проявлением такого недоверия многие исследователи видят в назначении генерала И. Германа в «менторы» и согладатеи к Суворову.

Эта версия, получившая дальнейшее развитие вплоть до искажения и утрирования фактов, основана на приведенных и осторожно комментированных в труде Д. А. Милютин «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» рескрипте Павла I Герману и его ответе императору.

6 февраля 1799 г. в Кончанское прибыл флигель-адъютант Толбухин с рескриптом императора от 4 февраля: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоятельном желании венского двора, чтоб вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпуса Розенберга и Германа идут. И так по сему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезду в Вену.

За тем есм вашим благосклонным Павел»

Далее Милютин пишет: «...император не вполне доверял причудливому и предприимчивому характеру старого полководца, который, несмотря на свои седины, способен был, по мнению государя, к самым пылким увлечениям¹.

Тогда же государь направил рескрипт генерал-лейтенанту Герману, имея высокое мнение о его военных дарованиях и надеясь на его хладнокровие и рассудительность:

«Венский Двор просил Меня, чтобы начальство над союзными войсками в Италии вверить фельдмаршалу графу Суворову. Я послал за ним; но предваряю вас, что если он примет начальство, то вы должны будете, во все время его командования, иметь наблюдение за его предприятиями, которые могли бы повести ко вреду войск и общего

дела, когда будет он слишком увлекаться своим воображением, заставляющим его иногда забывать все на свете. И так, хотя он по своей старости уже не годится в Телемаки, тем не менее однако же, вы будете Ментором, коего советы и мнения должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами».

Ответ Германа императору от 14 февраля проникнут достоинством и уважением к прославленному полководцу: «Уважая лета фельдмаршала Суворова, блеск его побед, счастье, постоянно сопровождавшее все предприятия его, я употреблю все силы, чтобы примениться к гению этого старого воина. Относительно образа войны против извергов революционеров, мы оба с ним, конечно, имеем сходные мнения: вообще в бою он любит глубокий строй; и я предпочитаю это построение, с тем однако же различием, что по моему мнению, оно должно быть приспособлено к параллельному боевому порядку, для уменьшения вреда, наносимого неприятельскою артиллерией. Что же касается до направления маршей и лагерного расположения войск, то я, по своему званию генерал-квартирмейстера армии, могу вполне заведывать этою важною частью, от которой часто зависит успех целой кампании. Во всяком случае я надеюсь быть полезным службе Вашего Величества и общему делу всех законных правительств».

По мнению Милютин, «такой ответ обрисовывает вполне человека. Герман был честный, усердный, добросовестный офицер, и принадлежал к числу ученых тактиков того времени, которые ставили всю сущность военного искусства в одном механизме построений. К счастью, Суворов избавился от такого ментора, ибо Герман... получил вскоре новое назначение, и впоследствии доказал сам в Голландии, что для успеха на войне нужно нечто более, чем одно умение строить войска и рассчитывать маршруты». Этот скептический комментарий авторитетного историка, игнорирующий прежние заслуги Германа в победе над турками на Кубани, к сожалению, повлиял и на последующих исследователей.

Другой известный историк, автор лучшей монографии о полководце, А. Ф. Петрушевский, справедливо отметивший, как и Милютин, восстановление доверия к Суворову после беседы с императором, итогом которой стали слова Павла I: «Веди войну по своему, как умеешь», после этого излагает эпизод с рескриптом Герману. Это легкое смещение последовательности событий также было подхвачено позднейшими биографами.

Кроме того, Петрушевский усилил отрицательную характеристику Германа: «Это был цеховой тактик, смотревший на военное дело как на графическое искусство и не подозревавший, что в нем нельзя принимать людей только за счетные единицы. Он весь обозначился в ответе своем государю; толкуя про глубокий строй, про параллельный боевой порядок, про направление маршей и лагерные расположения, он видит в Суворове только старые лета, блеск побед и счастье, постоянно сопровождавшие все его предприятия». Здесь уже нет слов Германа ни об уважении, ни о сходстве мнений относительно образа войны, ни, тем более, о желании «примениться к гению этого старого воина» и быть полезным именно благодаря своему опыту генерал-квартирмейстера армии. Договорившись до того, что «сочли возможным приставить к нему дядьку», Петрушевский далее пишет: «Следует впрочем заметить, что распоряжение о надзоре за Суворовым последовало значительно раньше, чем прочие, свидетельствованные о доверии к нему государя. Но это не изменяет дела, так как первое не было отменено, и менторство Германа не осуществилось лишь потому, что он получил назначение на другой театр войны». Создается впечатление, что эти распоряжения исходили из разных источников! Здесь-то и кроется самое интересное. Из-за нежелания разрушить легенду о поднадзорном полководце и зловредном менторе, биографы Суворова не обращают внимания на известные документы.

Издатель и комментатор писем Суворова в начале XX в. В. Алексеев обходит этот вопрос, но отказывает Герману в решительности и трактует его как ученого тактика и педанта.

В плену концепции Петрушевского оказались такие известные биографы полководца, как предтеча советского сувороведения С. Д. Масловский, а вслед за ним, усилив идеологическую окраску, — К. Осипов, Г. Меерович, О. Михайлов и даже такой серьезный исследователь как В. Лопатин. Вышедшая недавно в серии «Новый взгляд на историю» беллетризованная биография Суворова (авт. С. Цветков) также не содержит ничего нового.

Еще Д. А. Милютин опубликовал почти все рескрипты Павла I и другие документы, относящиеся к войне 1799 г., а в 1949—1953 гг. Воениздат МО СССР издал сборник документов, относящихся к деятельности Суворова, в 4-м томе которого опубликованы документы Итало-Швейцарского похода. Просматривая эти документы, а также

изданное Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1955 г. «Описание собрания рукописных материалов А. В. Суворова» (так называемого «Суворовского сборника»), я обратил внимание на неопубликованный и хранящийся в ГПБ один из рескриптов Павла I. Суть в следующем.

На пути в Вену Суворов 9 марта 1799 г. отправляет из Нового Бреста донесение императору: «Всевысочайшие вашего императорского величества четыре рескрипта от 1-го сего марта состоявшиеся: 1-й. О поступлении в совершенное распоряжение мое корпусов генерала Розенберга и генерала-лейтенанта Германа, также и баталионов, для составления мальтийского гарнизона отправленных. 2-й. Чтоб корпусы Розенберга и Германа относились во всем ко мне. 3-й. Что ежели генерал Розенберг усмотрен будет неспособным к командованию вверенного ему корпуса, о поручении (старшему) по нем генералу от кавалерии Дерфельдену, и 4-й. Что естли не усмотрю особой нужды в генерал-лейтенанте Германе, то отправил бы его в Санкт-Петербург, — я имел щастие получить и по оным всеподданейше доношу, что по прибытии к войскам, всевысочайше предводительству соему вверенным, в точности всевысочайшую вашего императорского величества волю с благоговением исполню.

Граф Александр Суворов-Рымникский».

Удивительно, что все исследователи оставили без внимания это ясное указание на инициативу императора в отозвании Германа в самом начале похода Суворова еще до прибытия фельдмаршала к войскам. Вот как звучит этот ранее не публиковавшийся рескрипт Павла I: «Когда соединятся оба корпуса наших войск, граф Александр Васильевич, под ваше начальство, если не усмотрите особой нужды в генерал-лейтенанте Германе, то прошу Мне его отправить сюда, где он на Прусской границе может нужным быть; вы же будете генерала Дерфельдена в своей диспозиции иметь.

Ваш навсегда Павел»².

Вероятно, причиной невнимания к этому документу, кроме концептуальной необходимости, был другой рескрипт об отозвании ввиду неспособности генерала А. И. Розенберга, оставшийся без последствий, как и следующее донесение Суворова императору из Вены от 23 марта: «...генерал от инфантерии Розенберг определен будет в Санкт-Петербург по прибытии генерала от кавалерии Дерфельдена, а генерал-лейтенант Герман — по соединении с корпусом Розенберга».

Герман в апреле 1799 г. получил назначение командовать русскими войсками в соединении с английским корпусом герцога Йоркского в Голландии, а генерал Розенберг оставался в армии Суворова на протяжении всей Итальянской кампании и Швейцарского похода и впоследствии особенно отличился в боях 19—21 сентября в Муттенской долине.

В завершение обратимся к биографии незаслуженно опороченного генерала Германа.

Иван Иванович Герман (Иоганн Германн фон Ферзен) родился в 1744 г. (?) в Саксонии. По некоторым данным получил прекрасное образование в германских университетах. Позднее в формуляре его значится, что он умеет говорить на языках русском, немецком, латинском, французском, английском, знает математику, инженерные науки, философию, историю, натуральные права и политику.

В русскую службу вступил в 1769 или в начале 1770 г. прапорщиком инженерного корпуса, а в ноябре 1770 г. переведен в генеральный штаб «дивизион-квартирмейстером поручичьего чина». Вскоре Герман обратил на себя внимание многосторонними познаниями: он был отличный и боевой офицер, и инженер, и топограф. За 20 лет он дослужился до чина генерал-майора. Одно перечисление его инженерной и топографической деятельности заслуживает внимания к его опыту:

1770—1771 гг. — составил карту Молдавии и Валахии;

1773 г. — состоял при обсервационном корпусе на шведской границе, составил карту Финляндии;

1774 г. — составил карту Оренбургского похода по подавлению Пугачевского бунта;

1775 г. — получил от Екатерины II поручение составить план Царицынского загородного дворца близ Москвы, возводившего потом по проекту и под руководством архитектора В. И. Баженова;

1775 г. — послан секретным курьером в Астрахань и Кизляр для обозрения края и персидской границы, составил карту местности между реками Терек, Кубанью, Доном и Волгой и написал журнал своего путешествия;

1776—1777 гг. — занимался определением границ земли войска Донского и составлением ее карты;

1778—1782 гг. — состоял в Кабардинском пехотном полку и, получив поручение закрыть от набегов кавказских народов Волгу и Дон,

заложил 9 крепостей (в т. ч. Георгиевскую) между Моздоком и Кизляром, послуживших основанием Кавказской линии;

1778—1782 гг. — проектировал и строил Херсонскую крепость;

1784 г. — построил на Кубани крепости Преградный Стан и Прочный Окоп;

1791 г. — строил Роченсальмские порт и крепость в Финляндии;

1792 г. — в должности генерал-квартирмейстера армии генерал-аншефа М. И. Кречетникова составил план кампании против поляков, а также карту Литвы и Подляхии.

1796 г. — составил проект соединения Днепра с Западной Двиной посредством канала;

1798 г. — назначен генерал-квартирмейстером всей русской армии, обратил внимание на съемки пограничных областей и рассылал офицеров в разные местности для снятия планов.

Летом этого года он сам ездил в Южную Россию, чтобы принять меры к укреплению Севастополя и берегов Черного моря, руководил картографическими работами, заслужившими одобрение императора Павла I.

Именно благодаря такому опыту, как уже было отмечено, Герман и желал быть полезным Суворову. Возможно, останься этот дотошный генерал-квартирмейстер в армии полководца, последнему не пришлось бы плутать в горах Швейцарии в поисках несуществующей дороги на Швиц для соединения с корпусом Римского-Корсакова.

Судьба дважды сводила Суворова и Германа: в 1780—81 гг. в Астрахани и в 1791 г. — на строительстве укреплений и порта в Роченсальме. Томясь рутинной работой в Финляндии, Суворов писал: «Баталия мне покойнее, нежели лопатка извести и пирамида кирпичей». Однако и Герман не был только топографом и строителем. Его боевая деятельность началась вскоре после вступления в русскую службу участием в сражениях при Ларге и Кагуле в июле 1770 г. В 1774 г. во время усмирения Пугачевского бунта он, состоя в отряде кн. П. М. Голицына и командуя его авангардом, был в делах при Татищевской крепости и у Сакмарского городка, за что произведен в обер-квартирмейстеры майорского чина. После окончания строительства Херсонской крепости и укреплений Кавказской линии Герман был произведен в полковники (1 января 1782 г.), а в следующем году награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. и назначен командиром Владимирского пехотного полка, постоянно участвуя в экспедициях

против горцев. В 1787 г. получил в командование один из отрядов Кавказского корпуса и исправлял должность генерал-квартирмейстера. Отличился в военных действиях против горцев у р. Лабы, Черных гор и р. Мамы и против турок при Анапе (1788 г.). В апреле 1787 г. произведен в бригадиры, а в феврале следующего года — в генерал-майоры и назначен командиром бригады, состоявшей из Кабардинского, Владимирского и Казанского полков. В этом звании его и застало осенью 1790 г. нашествие на Кавказскую линию полчищ сераскира Батал-Бея. Не выжидая соединения с двумя другими отрядами, Герман мужественно двинулся навстречу противнику, и 30 сентября в верховьях Кубани нанес жестокое поражение 50-тысячному турецко-черкесскому корпусу, обратил его в бегство, овладел лагерем, захватил всю артиллерию (30 орудий) и самого сераскира взял в плен. Получив в награду орден св. Георгия 2 класса³ (21 января 1791 г.) и 500 душ крестьян в Полоцкой губернии, стяжав себе славу отличного военачальника, Герман покинул Кавказ.

В 1793 г. командовал корпусом правого крыла русской армии в Литве и награжден орденом Св. Анны, а в 1794 г. командовал в Польше в армии князя Репнина особым корпусом. При взятии Вильны он вел атаку на ретраншемент и Острую Брамму. За польскую кампанию награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. План кампании, составленный Германом и увенчавшийся успехом, еще более укрепил за ним репутацию хорошего стратега.

В начале царствования Павла I он, по-видимому, был в отставке, так как 19 декабря 1796 г. принят по-прежнему в службу и назначен шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка (в приказе назван бароном Германом фон Ферзен). 27 декабря 1797 г. он произведен в генерал-лейтенанты, а в 1798 г. назначен генерал-квартирмейстером всей армии и награжден орденом Св. Александра Невского. Производившиеся под его руководством картографические работы обратили на Германа внимание императора, который стал видеть в нем человека основательного и полезного для службы. В начале 1799 г. Герман был награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского и получил в командование один из корпусов, предназначенных для посылки в Италию против французов.

В апреле 1799 г. он получил другой корпус, предназначенный для совместных действий с англичанами против французов в Голландии. Герман с одной дивизией приплыл к берегам Голландии 31 августа,

но вследствие дурной погоды мог высадиться только 2 сентября. Русские войска, не привыкшие к морскому путешествию, были очень утомлены, но в тот же день должны были сделать усиленный переход по сыпучему песку. К 7 сентября собрался весь отряд Германа, и на 8-е герцог Йоркский, главнокомандующий союзной армией, назначил общую атаку позиций у Бергена.

Самоуверенный Герман не нашел нужным отсрочить столкновение с неприятелем из-за усталости русских войск. Когда младшие генералы спросили Германа, где им остановиться, он ответил: «на плечах французов». Он, вопреки диспозиции, на два часа ранее назначенного срока, решился произвести внезапное нападение на французов. Англичане выступили гораздо позднее и двигались медленно и с большой осторожностью, поэтому не могли оказать поддержки вовремя. Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, первоначально перевес был на стороне русских, они утвердились в Бергене и захватили в плен 1000 французов и 14 пушек, но затем французы под командованием генерала Брюна воспользовались промедлением англичан, чтобы всеми силами ударить на русских. Герман дважды отразил неприятеля, но не видя более возможности удержаться в Бергене, он уже начал выступать оттуда, как в это время был атакован кавалерией и пехотой. Русские ударили в штыки, но не могли осилить превосходившего их численностью врага. Герман вместе со всем штабом был взят в плен. Еще до получения известия о поражении, он был 24 сентября произведен в генералы от инфантерии. Когда же печальная весть достигла Петербурга, император Павел I в гневе исключил Германа из службы «за дурной поступок» 27 сентября 1799 г.

Герцог Йоркский и сам король Англии выступили защитниками Германа перед государем. Герцог объяснял неудачу русских более всего их излишним порывом рвения и воинского жара и писал, что «главное несчастье для нас заключалось в потере храброго Германа, который пользовался уважением и доверием войск. Останься он цел, он дал бы иной оборот сражению». Французы также оправдывали Германа, приписывая его неудачу только тому, что англичане не поддержали его своевременно.

Пленный Герман был отправлен в крепость Лилль. Французы были готовы обменять его на всех своих генералов, взятых в плен в Италии, но Павел I не согласился на это, и Герман пробыл в плену до заключения мира. По возвращении Герман представил объяснение своих дей-

ствий и 6 ноября 1800 г. был снова принят в службу, но уже не получил никакого назначения. Несчастные события повлияли на его здоровье, и 9 июня 1801 г. он скончался в Петербурге.

Из вышесказанного отнюдь не следует, что Герман был «цеховым тактиком» (Милютин, Петрушевский) и «недостаточно решительным и даже трусливым» (В. Алексеев).

По мнению наиболее расположенного к Герману биографа Н. К. Александровича, он отличался честностью, усердием, храбростью, умом и добротой, но был вспыльчив и слишком самонадеян.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александрович Н. К. Герман Иван Иванович // Русский биографический словарь. М., 1916. Т. «Герберский—Гогенлоэ».

Герман Иван Иванович // Военная Энциклопедия. СПб., 1912. Т. 7.

Масловский С. Д. Суворов Александр Васильевич // Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. «Суворов—Ткачев».

Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Суворов в Петербурге. Л., 1978.

Милютин Д. А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. СПб., 1857. Т. 1—3.

Михайлов О. Суворов. М., 1973.

Описание собрания рукописных материалов А. В. Суворова. Л., 1955.

Осипов К. Суворов. Л., 1943.

Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884. Т. 3.

Письма и бумаги Суворова. Пг., 1916. Т. 1.

Суворов А. В. Документы. М., 1953. Т. 4.

Суворов А. В. Письма. М., 1986.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очевидно, опасения императора основывались на впечатлениях от чуждаковых выходок Суворова во время его приезда в Петербург в марте 1798 г. и отказа вступить в службу.

² РО РНБ. Ф. 755. Т. 14. Л. 5. Автор выражает признательность А. Н. Лукирскому за любезное доставление этих сведений.

³ Заметим, что за весь период Русско-Турецкой войны 1787—1791 гг. кавалерами ордена Св. Георгия 2-го кл. стало 15 человек, в их числе Герман был девятым.